

«Студия критической библеистики»

К истокам воззрения о первородном грехе

(виртуальное интервьюирование)

Данная тема посвящена критическому анализу истоков происхождения верования о грехопадении прародителей человечества, на основе которого позже уже была выстроена концепция «первородного греха». Как известно излагается она в 5 главе Послания апостола Павла Римлянам: «**Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, [потому что] в нем все согрешили**». Данная основа лежит в религиозном фундаменте ответов на вопросы о причинах несовершенства нашего мира и появления в нём смерти. Целью данного тематического рассмотрения является анализ аргументов в пользу непринадлежности данного воззрения апостолу Павлу. Но прежде поговорим о методах и инструментах выявления подобных вещей.

Изложение материала построим в стиле интервьюирования.

Итак, какие есть основания вообще предполагать, что принятое мнение об установленном авторстве тех или иных новозаветных текстов можно подвергать сомнению?

Текстология и критическая библеистика располагает фактами компоновки новозаветных книг, т.е. когда к уже существующему тексту послания или евангелия добавляется фрагмент, считаемый либо также принадлежащим данному автору либо близким по духу. Таковых примеров хоть и не много, но они есть. Естественно предположить, что существовал период активной компоновки. Это период сбора письменного христианского наследия - конец 1-го, 2й и 3й века. И здесь доказанным считается то, что подтверждено в разночтениях, дошедших до наших дней древних манускриптов. Вместе с тем ничто не запрещает выдвигать предположения, а также аргументировать такую компоновку без подтверждающих манускриптов. Так, например, в библеистике [выдвигались обоснования компоновки](#) нескольких писем Павла Коринфянам в известные нам два одноименные Послания. Здесь не подвергалось сомнению авторство, однако обосновывался сам факт компоновки разных писем в единое полотно повествования.

Какие есть методы и критерии, позволяющие судить о наличии компоновки фрагментов или же принадлежности этих фрагментов разным авторам?

Существует лексический анализ, который позволяет давать оценку авторству любого текста, будь то текст литературный художественный или религиозный. Применение такого

подхода требует специфических знаний и навыков лингвистики. Вместе с тем можно предложить и более простые критерии для проведения анализа, которые используются в библеистике.

Если говорить о компоновке, то существуют естественные сопутствующие последствия вставки фрагмента в единое полотно. Так, логическая цепь изначального текста рвётся, в ней озвучивается фрагмент, после чего логика повествования снова восстанавливается. И если фрагмент пробно удалить, то полученный текст яснее и логичнее читается без него.

Может ли это объяснять ходом мысли автора, когда он пытается что-то глубже раскрыть или вспомнил то, что забыл донести ранее и пытается таким образом доказать?

Конечно может. Этот критерий является лишь аргументом и далеко не достаточным для внесения вердикта об искусственной компоновке. Более того при мастерской компоновке границы разделов могли компоновщиком быть по смыслу «сглажены», чтобы полученный текст был максимально целостным и логичным. Либо фрагмент добавлялся так сказать на стык мыслей, т.е. между возникшими впоследствии главами. Поэтому естественно для обоснования необходимы дополнительные критерии.

Так, добавление инородного фрагмента чревато появлением противоречия в содержании. При этом компоновщик, посчитавший свою компоновку возможной, естественно такого противоречия не видит, иначе бы этого не делал. Противоречие в содержании может быть вероучительного или описательного характера. Описательный, наиболее простой в выявлении случай, когда противоречие кроется не в субъективных идеях, а в объективных изложенных фактах.

Есть ли подтверждённый пример работы таких критериев?

В качестве примера можно привести известную евангельскую историю из Ев. Иоанна, когда женщину, взятую в прелюбодеянии привели к Иисусу, с провокационным вопросом бить или не бить камнями. В этом фрагменте работают сразу два показателя. Изымание фрагмента из истории восстанавливает целостность изначального полотна повествования. Наличие фрагмента приводит к противоречию типа объективного факта, когда Иисус что-то пишет палочкой на земле, находясь в храме, где в принципе писать палочкой проблематично.

А почему можно считать вообще возможным, когда по идее благочестивые люди занимаются подобными вещами?

Для периода формирования текстов в этом не было ничего предосудительного. Никакого священного писания христиан не существовало, как и текста евангелия как законченного священного письма. Ходило масса письменных документов, писем, проповедей, изложений историй ... В примере с Евангелием Иоанна текст включили по близости духу повествования, к тому же возможно текст фрагмента относили к тому же Иоанну, как некой изложенной им истории. Для сохранения этого фрагмента его приобщили в

полотно Евангелия, таким образом спасая от уничтожения беспощадным временем. При формировании Павловых посланий вполне реалистично, что происходило подобное.

Вместе с тем сомнению подвергается авторство самих фрагментов. Как это можно объяснить?

Следует отметить, что Павловы письма являлись и проповедями. Для кого-то это были тезисы в которые могли естественно добавляться ссылки на «закон и пророки», на подобии того как некий современный евангельский проповедник готовясь к проповеди под своими или чьими-то тезисами дописывает библейские цитаты, для придания библейского авторитета учению. А иногда и свои личные примечания, что в общем также не является для текстологии чем-то новым.

А вообще апостол Павел по праву грандиозная и неординарная фигура. Из самих его посланий мы узнаём, что в его время уже могли ходить ложные послания, т.е. письма и проповеди, подписанные его именем. Также до нас дошли документы, написанные от его имени, но признанные подложными. Один из таких – «Третье послание Коринфянам», которое в ранний период считался некоторыми аутентичным посланием. Однозначно, что документ написан намного позднее жизни апостола, однако он имеет либо искусную форму подражания, либо содержит в себе фрагмент реального авторского письма.

И конечно же следует отметить колоссальное противостояние различных религиозных групп и течений эпохи раннего христианства, когда шла настоящая идейная война воззрений, взглядов и течений. Вот в этой войне применялись уже любые методы борьбы, с целью «записать» апостолов в свой лагерь или доказать апостольский авторитет своих «писаний». В ход шли любые «грязные» методы для собственных «святых» целей.

В общем известно, что фигура ап. Павла была в центре этих войн, когда он сам и его письма были объектами манипуляций. В таких реалиях и происходил сбор и объединение письменного наследия апостола Павла.

До этого были озвучены критерии выявления добавленных фрагментов. Каковы критерии выявления иного авторства?

На иное авторство может указывать чужеродность идеи фрагмента. Вместе с тем, кто может непредвзято определить факт чужеродности? Что для одного будет гармонией, то для второго антагонизмом, так как идея вещь достаточно субъективная, особенно в сфере вероучения. Однако идеи могут быть привязаны к терминологии. Так, например, Павловы послания несут на себе ряд очень специфических греческих терминов, которыми автор оперирует, такие как полнота «плерома», нищета «кенома», начало – князь «архонт» и многие другие. Также применялись установившиеся связки терминов, за которыми раскрываются целые картины. Эти термины и связки могут являться фактически подписью автора. Любой компилятор, если он не владеет терминологией, попадает в очень нехорошую для него ситуацию, о которой он даже и не подозревает. Он может подражать

терминологии или вкладывать в неё совершенно иные смыслы, более того выстраивать на них иные картины. Вот тут и становится возможным провести классификацию фрагментов на более устойчивой так сказать почве. Более того терминология может быть вообще не специфической, не требующей какого-либо дополнительного знания для понимания, а лишь элементарный здравый анализ и наблюдательность. При этом разные авторы могут вкладывать в такие термины разные смыслы, что можно хорошо иллюстрировать примерами текстов разных книг Нового Завета.

Стоит отметить и статистический метод лингвистического анализа, когда оценивается степень применения тех или иных языковых элементов построения речи. При этом каждый автор будет иметь естественно свою статистическую картину. Метод более свободен от субъективизма идей, но требует соответствующего уровня образования, обоснования надёжности методик, а также больших выборок исследуемого текста.

Итак, перейдём к новозаветной тематике грехопадения. Каковы здесь критерии позволяющие говорить о компоновке или ином авторстве?

Рассматриваемый нами тематический стих 12 послания Римлянам открывает тематический идейный фрагмент (Рим.5:12-19).

12 Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, [потому что] в нем все согрешили.

13 Ибо [и] до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона.

14 Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего.

15 Но дар благодати не как преступление. Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих.

16 И дар не как [суд] за одного согрешившего; ибо суд за одно [преступление] - к осуждению; а дар благодати - к оправданию от многих преступлений.

17 Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа.

18 Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни.

19 Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие.

В данном конкретном случае возможность устранения фрагмента здесь ещё сама по себе ничего не доказывает и не объясняет, ни к чему не приводит и никакого вопроса не решает, это лишь потенциальная возможность существования текста без данного фрагмента. Хотя при устранении может создаться впечатление, что следующий стих Рим.5:20 логически опирается на стихи предыдущие. Вместе с тем на проверку такой логической зависимости там нет. А вот, например, далее 6 глава уже опирается на стихи

Рим.5:20,21 тогда как существующее ныне разделение глав рвёт эту связь. При предположении о возможном изначальном отсутствии фрагмента будет естественным шестую главу начинать с Рим.5:20,21.

Например:

10 Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его. 11 И не довольны сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение.

Новая глава.

20 Закон же пришел после [сл.ф. [παρεισέρχεται](#) - вошёл в существующую систему вещей, проскользнул, вкрался], и таким образом умножилось преступление. А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать, 21 дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим. 1. Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. 2 Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?

Интерес же для нас будет представлять анализ критерия конфликта идей, и самое важное – конфликт понятийного аппарата.

Итак. Если предположить что фрагмент не принадлежит «перу» ап. Павла, но некоего предполагаемого корректора (Предкора), то можно обнаружить ситуацию различий в понимании такого известного всем и применяемого в послании термина как грех, а также конфликта между содержанием предположительно добавленного чужеродного фрагмента с содержанием базового текста.

Разыграем небольшую виртуальную очную ставку. «Пригласим» на нашу ставку участников: **Предкора** и **Павла**. Зададим участникам такие вопросы, которые способны чётко разграничить образы мышления и понимания терминов.

Итак, садим за стол, даём микрофоны и внимательно слушаем.

1. Пожалуйста, охарактеризуйте, что такое грех?

Предкор: Грех это преступление, т.е. это любое нарушение заповеди, нарушения Божьего повеления, закона.

Павел: Грех это и проступок, но и одновременно и корень, движущая сила заставляющая свершать действия человека «на автоматизме». Грех также можно сравнить со страстью, с силой автономно действующей в нашем теле греховном и действующем по своему собственному правилу, что порабощает и действует против голоса разума.

Отвлечёмся от хода «ставки» для обоснования того, почему участники именно так ответили.

Для **Предкора** важно чтобы был факт преступления закона, ибо когда есть преступление, а закона нет, то как бы и нет греха, есть поступки но нет закона, который бы они нарушили.

13 Ибо [и] до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона.

Поэтому **для Предкора** крайне важен момент прихода закона Моисеева, который определил, что именно нельзя преступать, а «грех в мире» превратил в проступок, в чисто юридическое явление.

Для Павла же грех это не только проступок, но и неотъемлемый атрибут тела греховного, сопутствующее этому телу свойство, действующая в этом теле первопричина проступка - сила, действующая вопреки голоса разума. Чтобы убедиться в этом, предлагаю пробно подставить в дальнейшем повествовании вместо слова грех, такое слово как страсть.

Рим.6:6 зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело [страстное] греховное,

Рим.7:20 Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущая во мне [страсть] грех.

Рим.7:23 но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона [страстного] греховного, находящегося в членах моих.

И так далее ...

Хочется отметить, что на различие в ответах ставки мне можно возразить тем, что Павел имел две грани понимания одного и того же явления. При этом я, как автор «ставки», мысль исключительно с одним пониманием вырвал из текста (Рим. 5:12-19) и ищу в ней то, что есть далее в тексте. Я принимаю такое возражение, но надеюсь, что дальнейшая ставка прекрасно продемонстрирует, что отделённый мной фрагмент (Рим. 5:12-19) имеет свою собственную целостную картину со своими собственными идеями, с собственной «железной» логикой, что не зависит от того вырвали фрагмент или нет. А автор её способен свободно и самостоятельно участвовать в подобном очном эксперименте без надобности ему каких-либо дополнительных ссылок на другие места Послания.

Итак, продолжим, следующий вопрос.

2. А что же закон производит со грехом?

Предкор: этот вопрос не корректный, так как грех это и есть само преступление закона. Однако если есть преступление, но нет закона, что определяет чего делать нельзя, то и грех естественно не засчитывается, хоть проступок по факту и был.

13 Ибо [и] до закона грех был в мире; но грех не вменяется [\[ἐλλογέω\]](#) - вменяться в вину, засчитывается], когда нет закона.

Павел: Закон определяет факт осуществления преступления для находящейся в теле и проявленной в проступке страсти. Знание закона приводит к пониманию и оценке проявления этой самой силы (страсти) в конкретных поступках. При этом грех как бы оживает и из неосознанной действующей страсти превращается в осознанный проступок.

Рим.7:5 Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, [обнаруживаемые]

законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти;

Рим.7:7 Что же скажем? Неужели [от] закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай.

3. В чём же состояла греховность людей до Моисеева закона?

Предкор: Это не простой вопрос, так как до Моисеева закона никакой собственной греховности у человека быть не могло, так как именно только Моисеев закон определял юридический факт преступления. Вместе с тем греховность вменилась человеку по факту непослушания Адама. Юридически человек был оценён как греховный из-за Адама, потому как именно прародитель нарушил первый закон.

19 Ибо как чрез непослушание одного человека грешными стали [\[κατεστάθησαν\]](#) – были поставлены] многие, ...

Павел: греховность это главная характеристика нашей плоти, суть лукавой природы человека, и эта страстность нашего естества существует и действует независимо от знания заповедей.

4. Есть ли разница в греховности до закона Моисеева и после?

Предкор: Конечно же есть! До закона Моисеева греховность засчитывалась по факту преступления Адама, после – по факту преступления самого человека!

Павел: Нет никакой разницы! Греховность как сущность природы одинаково существовала и до прихода закона и после. До Моисеева закона люди были также греховны, как и после его прихода, в том отличии, что греховность без закона не имеет своего осознания.

5. Если смерть есть возмездием за грех (Рим.6:23), то почему люди умирали до пришествия закона Моисея?

Предкор: Ну, это достаточно сложный вопрос! Ведь действительно, какое есть юридическое право осуществлять возмездие за грех смертью, если до закона Моисеева грех не вменяется? Значит, должен быть такой грех, который юридически будет наказан и притом сразу во всех людях. Есть только одно такое преступление - грех Адама, и за послушание Адаме все были засчитаны грешными, и смерть на всех людей таким образом и смогла перейти.

12 Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла [[διήλθεν](#) - разошлась, распространилась, прошла, пронзила] во всех человеков, [потому что] в нем все согрешили.

...

15 ... Ибо ... преступлением одного подверглись смерти многие.

Павел. Смерть это естественное возмездие за грех, это неизбежный атрибут тела греховного и по природе своей смертного. Первый человек был из праха, и в прах вернулся, аналогично происходило и с его потомками, как до закона Моисея, так и после него.

Рим.7:24 Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?

1 Кор. 15:47. **Первый человек - от земли из праха;** второй Человек - с неба.

48 **Каков тот, кто из праха, таковы и те, кто из праха,** и каков Небесный, таковы и небесные;

49 и как мы носили образ того, кто из праха, так и будем носить и образ Небесного.

50 **Но то говорю вам, братья, что плоть и кровь Царства Божия наследовать не могут, и тление нетления не наследует.**

Рим.6:12 Итак да не царствует грех в смертном вашем теле,

Очную ставку мы остановим, проанализируем и прокомментируем «услышанное».

Итак, Предкор достаточно целостно и полно изложил в своём отрывке понимание греха и смерти. При этом он действует исключительно в юридической плоскости и в ней он объясняет происхождение греха и смерти. Грех мыслится им строго в иудейском понимании нарушением закона Моисея. Предкор при этом решает возникшее перед ним логическое противоречие в суждениях введением первородного греха и вины людей за него. Фактически Предкор в своих рассуждениях попадает в юридическую ловушку, вынужденно выводя картину первородного греха. Павел же, кроме имеющегося у него также понимания греха как проступка настаивает на органическом, природном понимании греха и смерти. При этом его суждения не встречаются с подобным у Предкора логическим противоречием и он совершенно не нуждается в подпорке своих взглядом никаким первородным грехом с юридической виной человечества за него. При этом сам Павел опирается на естественное прочтение истории сотворения книги Бытия, в которой Адам, созданный из праха и не допущенный к древу жизни, как и его потомки, наследует смерть как атрибут своей природы.

Почему так сложилось исторически, что именно идеи Предкора стали доминирующими в богословии?

Картина Павла – хоть здрава во всех отношениях, естественна и вписывается в книгу Бытия - не имеет богословской полноты. Остаётся за кадром объяснение о создании Адама с телом из праха изначально, а также неотмеченными остаются вопросы о происхождении атрибутов этого тела (греха и смерти). Павел лишь отразил элемент своей картины. Прямые ответы на вопросы остались «за кадром» в рамках устной традиции коринфской общины. Картина Предкора же казалась претендующей при первом рассмотрении на имеющую полноту ответов на вопросы. Также следует учесть и тот важный фактор, что в ту эпоху идейных войн именно идейные противники Предкора мыслили в том же самом направлении, что и отражено в предполагаемой нами первоначальной версии послания. Поэтому Предкор был обязан в той войне сказать своё решительное слово своим врагам.

Какова специфика идей рассматриваемого фрагмента, на основе которого впоследствии была выстроено представление о первородном грехе, вине человечества за него и необходимости искупления?

Хочу поделиться своим личным восприятием. Читая данный фрагмент, в душе наступает дикая тоска, и так обидно становится за «державу», так сказать христианское мировоззрение.

Не планирую здесь раскрывать самый мощный предмет печали, саму идею связывать историю человечества с его кошмарами с одной ошибкой наивного первочеловека. Насколько я знаю, тот же иудаизм считает вообще диковатой саму эту новозаветную идею. Да и некоторые христианские служители, ощущая видать дикость, пытаются правильно перевести или всячески перетолковать эту историю, уйти в аллегории и в иносказания, выявить за этим нечто глубокое и таинственное. Или же как минимум уйти от юридизма наказания и сделать более акцент на органическом понимании греха и

спасения, т.е. опереться больше на оригинальное мировоззрение Павла. И такие попытки понятны, у них также наступает тоска, читая это в Новом Завете.

Но тоска эта приходит не только от идеи первородного греха, а от того как она brutally сама защищается в тексте. Такое впечатление, что автор, провозгласив о вине перед Богом всех потомков Адама и наказание их смертностью вдруг сам понял, что это как-то слишком жёстко получилось и начинает идею оправдывать. Он говорит вдруг, что Адам и его преступление - это образ будущего спасения (стих 14). Далее выдвигаются логичные для автора идеи превосходства дара благодати против преступления Адама и его последствий, но которые меня обескураживают своей нелепостью и отсутствием реализма. Так 15 стих говорит, что если из-за одного Адама подверглись смерти многие, то также из-за одного человека Иисуса дар милости и надо понимать спасения будет в ещё большем избытке для многих. Но я понимаю, что подверглись смерти именно ВСЕ, абсолютно все, и до Закона и после и вне закона, и не знающие вообще кто такой Адам и зачем они вообще появились на свет. Тогда как спасение даровано далеко не многим и то после четырёх тысячелетий (для Предкара) после грехопадения Т.е. написанное является откровенной ерундой. Умерли все, а спасётся лишь малая часть. И здесь нет описываемого превосходства дара спасения. А указание на то, что это превосходство дара изначально и планировалось Богом в противовес всеобщей вине, наводит на мысль, что пишущий то сам элементарно убивает на корню свои же собственные идеи.

Но Предкор не останавливается. Он смакует далее созданную им картину. Он провозглашает (стих 16), что суд над человечеством был за одно преступление, тогда как спасение даровано от МНОГИХ преступлений. Далее идёт любование картинами в стихах 17 и 18, когда читатель как бы должен восхититься первородным грехом и пришедшей за этим смертью, так как в этом всё была великая глубина и провидение! Заканчивается это в 19 стихе снова идеей, которая на поверку начисто сносит под корень само провозглашение о первородном грехе. Так преступлением одного многие сделались грешными, а послушанием одного многие станут праведными. Тогда как в реале грешными сделались именно ВСЕ, а праведными сделались лишь очень и очень немногие. И нет там на самом деле никакого образа спасения в преступлении Адама, и нет никакой глубины предвиденья в первородном грехе.

Ищущие аллегорий и духовных иносказаний не понимают своего бедственного положения, ведь их тонкие натуры зря спасительно ищут глубинного смысла в иносказаниях, так как для автора этих воззрений весь смак как раз в том, что искать ничего не нужно. Автор всю тайну и так изложил прямо и топорно, и сам лично ничего иносказательного не предполагал и не искал.

Какие цели имеет произведённый анализ и выводы о предполагаемом правщике?

Данной публикацией мне хочется указать и обосновать инородность мышления автора (Рим.5:12-19) к мышлению автора базового текста. И здесь идеи инородного фрагмента «затемняет» и подменяют собой воззрения аутентичные. Далее такая подмена приводит в богословии к подмене понимания спасения, когда идея спасения от первородного греха

подменила собой идею спасения от несовершенного и лукавого бытия с его телом смерти и греха. При этом мы не обладаем всей полной пониманием происхождения тел из праха с атрибутами греха и смерти, так как вероятно такое понимание осталось в рамках устной традиции раннехристианских общин, однако это не препятствует делать предположения для поиска полноты картины.

Естественно неоспоримым доказательством данный анализ быть не может. А принимать или не принимать выводы – дело личное. И в случае, когда читатель не приемлет утверждение о правке, мне хочется обязательно обратить внимание, что канонические Послания Павла (и естественно христианское мировоззрение) содержат новозаветный альтернативный подход в вопросе осмысления несовершенства мира и явления смерти, который хоть и затеняется мыслью Рим.5:12-19, но никуда при этом не исчезает. И будет как минимум абсолютно правильным в случае вопросов относительно причин, как несовершенства мира, так и чьих-либо страданий либо отталкиваться в своих суждениях именно от поиска альтернативного взгляда, либо просто и честно указать на присутствие в этом вопросе тайны.

[Обсуждение и комментирование](#)

(с) Влад Вальберг. Сентябрь 2015.

vladvalberg@gmail.com